СЕРГЕЙ СТАВСКИЙ

18+

ПОТОМОК
ПРОБУЖДЕНИЕ

Сергей Ставский
Потомок. Пробуждение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72715972
ISBN 9785006833661

Аннотация

Андрей – обычный учитель, чья жизнь рушится, когда он начинает видеть демонов, питающихся человеческими страданиями, и ангелов, предлагающих рабство. Атакованный, он пробуждает в себе силу забытых богов – Потомков, истинных хозяев Земли. Теперь он – последняя надежда в войне двух тиранов: Ахара, сеющего хаос, и Малахии, несущего тотальный порядок. Преданный близкими и объединившись с циничной демонессой, Андрей должен спасти мир, рискуя стать тем, с кем сражается.

Содержание

Часть I: Пробуждение 5
Глава 1: Запах сосны и озона 5
Глава 2: Трещины на холсте реальности 10
Глава 3: Взгляд «Видящих» 16
Глава 4: Белый Свет 21
Глава 5: Голос изначального огня 25
Глава 6: Переулок Серой Тени 31
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Потомок. Пробуждение

Сергей Ставский

© Сергей Ставский, 2025

ISBN 978-5-0068-3366-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I: Пробуждение

Глава 1: Запах сосны и озона

Для Андрея мир имел понятные, четкие законы. Законы физики, геометрии и сопротивления материалов. Он верил в то, что можно измерить штангенциркулем, расчертить на миллиметровке и воплотить в жизнь при помощи рук и инструментов. Его вселенная пахла свежей сосновой стружкой, которая вилась из-под рубанка тугими, ароматными кольцами; терпкой горечью нагретого металла от паяльника и едва уловимым, сладковатым запахом озона от 3D-принтера, который тихо гудел в углу, слой за слоем выращивая из пластика чью-то мечту. Школьная мастерская, гулкая и просторная, залитая дневным светом из огромных окон, была его царством – упорядоченным, предсказуемым и абсолютно реальным.

Здесь, среди верстаков и станков, он был на своем месте. Высокий, с широкими плечами, которые, казалось, могли выдержать любую тяжесть, и спокойными серыми глазами, Андрей двигался с уверенностью хозяина. Его руки, в мелких царапинах и застарелых мозолях, знали язык дерева – как оно отзовется на резец, где у него слабость, а где – сила. Он мог отличить по весу и текстуре дуб от ясеня с за-

крытыми глазами. Он находил почти медитативное спокойствие в монотонном гуле токарного станка, превращающего бесформенный брусок в изящную балясину.

– Андрей Сергеевич, у меня паз криво пошел… – протянул виновато девятиклассник Витька, нескладный парень, чьи руки, казалось, еще не договорились с его мозгом. Он со страхом демонстрировал испорченную дубовую заготовку для будущей шкатулки.

Андрей подошел, отложив собственную работу – сложную резную панель с кельтским узором, которую он делал для души. Он провел пальцем по кривому срезу, почувствовав заусенцы.

– А почему криво, как думаешь? – спросил он, вместо того чтобы ругать.

– Рука дрогнула… Торопился, – буркнул Витька.

– Вот. Торопливость – главный враг столяра. Дерево суеты не любит. Но это не страшно, – его голос был ровным и басовитым. – Смотри, сейчас мы можем не пытаться это скрыть, а наоборот, подчеркнуть. Пустим здесь вот такую декоративную фаску. Ошибка превратится в особенность. В жизни так тоже бывает, запомни.

Он улыбнулся своей фирменной, чуть усталой улыбкой, и Витька, ободренный, вернулся к верстаку, уже не чувствуя себя полным неудачником. В этом был весь Андрей. Он не просто учил технологии, он учил созидать, исправлять ошибки и видеть в несовершенстве возможность. Но ко-

гда раздавался последний звонок, резкий и требовательный, и гулкие коридоры школы пустели, он оставлял свой понятный мир за массивной дверью мастерской.

Он тщательно убирал рабочее место, сдувал стружку с верстаков, раскладывал инструменты по ящикам. Этот ритуал помогал ему переключиться, оставить работу на работе. Он выходил из школы, вдыхал свежий вечерний воздух и отправлялся домой, в другую вселенную. Во вселенную Алёны.

Его жена была художницей. Если мир Андрея был миром точных углов и выверенных размеров, то мир Алёны состоял из полутонов, предчувствий и ароматов. Она двигалась по их небольшой, залитой светом квартире плавно, словно танцуя, ее длинные пальцы всегда были испачканы то в охре, то в ультрамарине. Квартира жила ее настроением. На стенах висели ее картины – туманные леса, древние дольмены под свинцовым небом, лица, которые, казалось, смотрели на тебя из глубины веков, зная что-то, чего не знаешь ты.

Андрей любил ее до безумия. Любил ее странности, ее веру в силу трав, которые она собирала в лесу, ее тихие медитации на рассвете. Он, человек из мира материи, находил в ее духовности покой. Их миры не конфликтовали. Они дополняли друг друга. Его вселенная пахла сосной и озоном. Ее – вереском, мятой и тайнами.

В тот вечер все было как обычно. Андрей ужинал, с аппетитом уплетая веганское рагу, которое приготовила Алёна, и рассказывал о новом проекте учеников – они собирали

сложный механический театр теней по мотивам старых сказок. Алёна слушала, подперев щеку рукой, и ее глаза цвета лесного озера светились теплом и неподдельным интересом.

– Ты так увлеченно рассказываешь, – улыбнулась она. – Ты настоящий творец, Андрей.

– Я просто трудовик, – отмахнулся он.

– Нет. Ты учишь их создавать. Это самое важное, что есть в мире.

Идиллию нарушил телефонный звонок. Не громкая трель, а тихая, мелодичная вибрация, которую Алёна поставила на избранные номера. Андрей не видел номера, но заметил, как жена, взглянув на экран, мгновенно подобралась. Ее расслабленная поза стала напряженной, а улыбка исчезла.

Она отошла к окну, и он услышал обрывки фраз, тихих и серьезных:

– Да, старейшина… Я чувствую это уже несколько дней. Возмущение усиливается… Нет, он ничего не замечает… Я буду на закате. Да, одна. Я понимаю риски… Узел стягивается… Я буду готова.

Она положила трубку и обернулась. На ее лице была привычная нежная улыбка, но Андрей, знавший ее лучше всех на свете, уловил в ней едва заметное напряжение, которое она пыталась скрыть. В ее глазах на долю секунды промелькнула тень, похожая на страх.

– Снова ваш клуб любителей старинных книг спасает мир от бездуховности? – мягко поддразнил он, вставая из-за сто-

ла, чтобы обнять ее и развеять эту внезапную тревогу.

Алёна прижалась к нему, но ее объятия были не такими крепкими, как обычно.

– Что-то вроде того, – прошептала она ему в плечо. – Просто… энергии сейчас очень нестабильны. Будь осторожен, хорошо?

«Будь осторожен?» Эта фраза была новой. Обычно они желали друг другу хорошего вечера.

– Я всегда осторожен, – ответил он, целуя ее в макушку. – У меня же станки в классе.

Он обнял жену, вдыхая родной, знакомый аромат ее волос, и не знал, что эта тихая, понятная жизнь уже дала свою первую, невидимую трещину. И что шторм, способный разрушить все, что он знал, уже собирался на горизонте.

Глава 2: Трещины на холсте реальности

Несколько дней после загадочного звонка Андрей старательно делал вид, что все в порядке. Он погрузился в работу с головой, находя в предсказуемом мире дерева и металла спасение от необъяснимой тревоги. Он убеждал себя, что беспокойство Алёны – лишь следствие ее тонкой душевной организации, а ее таинственный «орден» – не более чем кружок по интересам для увлеченных эзотерикой интеллектуалов. Он был человеком из мира материи, и ему отчаянно хотелось, чтобы мир оставался простым, понятным и подчинялся законам физики. Но мир больше не спрашивал его мнения.

В четверг, на последнем уроке, его хрупкая стена отрицания рухнула, раздавленная реальностью.

День был обычным. В мастерской стоял гул работающих инструментов и несмолкаемый гомон подростков. Андрей как раз принимал почти законченный проект у Витьки – того самого нескладного девятиклассника. За последний месяц парень преобразился. Под руководством Андрея он создавал сложную деревянную шкатулку с потайным механизмом в виде шестеренок, которые он сам смоделировал и напечатал на 3D-принтере. Это была удивительная работа, в которой старый мир дерева встречался с новым миром техноло-

гий. Витька, обычно забитый и неуверенный, сейчас стоял с прямой спиной, и его глаза горели от гордости за свое творение.

– Вот, Андрей Сергеевич, почти готово, – он с благоговением провел пальцем по гладкой поверхности крышки. – Осталось только отшлифовать и покрыть маслом.

– Это великолепно, Виктор, – Андрей искренне восхищался. – Я говорил тебе, что у тебя талант. Главное – терпение.

В этот момент дверь мастерской с грохотом распахнулась, и в помещение вальяжно зашел Сашка Коршунов, освобожденный с физкультуры из-за очередной «травмы». Он лениво прошелся вдоль верстаков, и его хищный взгляд зацепился за Витькину шкатулку.

– О, че это у нас тут? Гробик для хомяка? – хмыкнул он, подходя ближе. Его аура, как теперь видел ее Андрей, была грязной, буро-красной, полной кипящего раздражения и скуки.

– Не трогай! – пискнул Витька, пытаясь заслонить свою работу.

Коршунов усмехнулся и, прежде чем кто-либо успел среагировать, небрежно, но с выверенной точностью, смахнул шкатулку с верстака. Деревянная конструкция с сухим, трескучим звуком ударилась о бетонный пол. Одна из стенок, соединенная тонкими шипами, откололась. Крошечные, напечатанные на принтере шестеренки разлетелись в стороны,

как сломанные зубы. Месяц кропотливой, почти ювелирной работы был уничтожен за одно мгновение.

Витька застыл, глядя на обломки, и в его глазах блеснули слезы бессильной, горькой обиды. Его аура, только что сиявшая ровным светом гордости, вспыхнула болью и тут же начала тускнеть.

Именно тогда Андрей это увидел.

Мир моргнул, словно старая кинопленка. Гул станков исказился, став ниже и протяжнее. За спиной Коршунова, повторяя его самодовольную позу с гротескной, нечеловеческой усмешкой, проявилась фигура. Она была полупрозрачной, как марево над раскаленным асфальтом, но отвратительно реальной. Багровая, жилистая тварь с непропорционально длинными руками и клыкастой пастью. Ее глаза горели, как два раскаленных угля. Андрей почувствовал, как от нее исходит волна холода. Но страшнее всего были тонкие, почти невидимые темные нити, которые тянулись от сущности к ауре плачущего Витьки. Они впивались в его свечение, и Андрей физически ощутил, как тварь питается чистой, незамутненной эманацией детского горя.

– Коршунов, стоять! – голос Андрея прозвучал непривычно твердо, почти как металл, перекрывая шум станков.

Сашка обернулся, его лицо скривилось в наглой усмешке. Демоническая сущность за его спиной оскалилась еще шире, предвкушая новую порцию эмоций.

– А то что, трудовик? Двойку в четверти поставишь?

Андрей шагнул к нему. Весь мир для него сузился до двух фигур: наглого мальчишки и твари, стоящей за ним. Он не знал, что делать. В нем не было ни плана, ни понимания. Был лишь первобытный, защитный инстинкт. Ярость, но не на глупого подростка, а на паразита, который им манипулировал. Он сфокусировал всю эту холодную, праведную ярость в своем взгляде, глядя сквозь Сашку, прямо в горящие глаза демона.

– Собери то что уронил и извинись! Твёрдо произнёс Андрей. Просто сделай, как я сказал.

На долю секунды тварь за спиной Сашки съежилась, словно от удара раскаленным железом. Ее силуэт замерцал и почти исчез. Подросток вздрогнул, его наглость вдруг испарилась, как дым. Он растерянно посмотрел на Андрея, потом на обломки шкатулки, и что-то похожее на стыд промелькнуло на его лице. Он неуклюже наклонился, сгреб в кучу остатки проекта и, не глядя на Витьку, буркнул:

– Извини… я не хотел…

И пулей вылетел из мастерской.

Видение исчезло. Андрей почувствовал, как его отпускает напряжение. Ноги стали ватными, в висках застучало. Он оперся на верстак, чтобы не упасть.

По дороге домой он уже не мог обманывать себя. Плотина рухнула. Он сел в автобус, и мир вокруг него взорвался невидимыми красками и формами. Уставшая кондукторша с неожиданной нежностью помогла подняться в салон по-

жилой женщине, и за ее плечами на мгновение проступили огромные, теплые, золотистые крылья, сотканные из чистого сострадания. Двое мужчин в дорогих костюмах с жадностью обсуждали какую-то сделку, и вокруг них вились скользкие, похожие на пиявок, темные сущности, питающиеся их алчностью. Влюбленная пара подростков на заднем сиденье светилась таким ярким, розово-золотым светом, что на них было больно смотреть.

Мир больше не был единым холстом. Он расслоился на тысячи вибрирующих, светящихся и гниющих слоев. Андрей чувствовал себя так, словно всю жизнь смотрел черно-белое кино, и вдруг кто-то включил цвет, звук, запахи и 3D одновременно. Сенсорная перегрузка была почти невыносимой. Голова раскалывалась. Он вышел из автобуса, шатаясь, и побрел домой, прижимаясь к стенам домов, чтобы не упасть от приступа головокружения.

Он почти бегом ворвался в подъезд, надеясь на спасительную тишину своей квартиры, на островок нормальности. Но и этот островок уже ушел под воду.

Алёна сидела на полу в гостиной, окруженная незажженными свечами. Она не медитировала. Она обхватила колени руками и тихо плакала, раскачиваясь взад-вперед. Ее собственная аура трепетала и была пронизана иглами острой, панической тревоги.

– Алёна, что случилось? – он бросился к ней, его собственная паника на мгновение отступила перед страхом

за нее.

Она подняла на него заплаканные, полные вселенского ужаса глаза.

– Ты тоже это чувствуешь? – прошептала она. – Оно повсюду, Андрей… Словно что-то треснуло. Окончательно.

Он рухнул на колени рядом с ней. Он не мог ее утешить. Он не мог сказать, что все это ей кажется. Потому что он чувствовал то же самое. Что-то действительно треснуло. И трещина прошла прямо через его собственную жизнь, расколов ее надвое. Они обнялись, два человека посреди рушащегося мира, находя единственное утешение в общем, разделенном на двоих, страхе.

Глава 3: Взгляд «Видящих»

Алёна чувствовала это уже несколько дней, и с каждым часом ощущение становилось все невыносимее. Мир, который она привыкла воспринимать как сложную, но гармоничную симфонию энергетических потоков, вдруг зазвучал фальшиво. Словно в слаженном оркестре один из инструментов начал издавать низкую, давящую, вибрирующую ноту, которая пронизывала все вокруг. Эта нота заставляла светлые ауры тускнеть, а темные – становиться плотнее и агрессивнее. Это отражалось даже на ее творчестве. Она стояла перед холстом, пытаясь запечатлеть утренний туман над лесом, но краски ложились неправильно, цвета казались грязными, а линии – рваными и тревожными. Ее кисть, обычно послушная, больше не могла уловить гармонию. Потому что гармонии не стало.

Она пыталась говорить об этом с Андреем. Но он, ее якорь в мире материи, ее опора, лишь крепче обнимал ее и списывал все на осеннюю хандру и творческий кризис. Она видела, что он не понимает, и это пугало. Но еще больше ее пугало то, что происходило с ним самим.

Его аура, всегда ровная и спокойная, как гладь озера в безветренный день, пошла рябью. В ней появились всполохи незнакомой, сырой и невероятно мощной энергии, похожей на зарождающуюся грозу. Алёна, обученная видеть мир

в четкой дихотомии света и тьмы, не могла классифицировать эту силу. Она не была ни холодной, геометрически-правильной энергией ангельского Порядка, ни хаотичной, голодной энергией демонической Тьмы. Она была… первородной. Дикой. Как сама земля, как огонь в недрах планеты. И эта первобытная мощь, пробуждающаяся в самом близком ей человеке, вызывала в ней священный трепет и столь же священный ужас.

Вечером того же дня ее вызвали на экстренное собрание ордена «Видящих». Она шла по вечернему городу, и ее обостренное зрение видело агонию мира. Агрессивные, колючие ауры людей, спешащих домой, мелкие сущности страха и раздражения, цепляющиеся к ним, как репьи. Мир болел.

Вход в их цитадель был замаскирован под авангардную художественную галерею в центре города. Яркие, экспрессивные полотна на стенах служили ширмой. Алёна прошла мимо них, кивнула молчаливому хранителю и вошла в неприметную дверь в конце зала. За ней был совершенно другой мир.

Тайный зал Ордена был полной противоположностью хаотичной галерее. Идеально круглый, со стенами из полированного белого мрамора, который, казалось, поглощал любые звуки. Здесь всегда царила абсолютная, почти звенящая тишина. Освещение исходило не от ламп, а от нескольких крупных кристаллов, установленных в нишах. Они излуча-

ли ровный, белый, непоколебимый свет, который казался холодным и стерильным. В этом зале не было места теням. Не было места сомнениям.

В центре на высоком кресле из мореного дуба сидел Старейшина, наместник Малахии, – седой, суровый мужчина по имени Валентин. Его собственная аура сияла таким чистым, почти ослепительным белым светом, что рядом с ним становилось холодно. Он был воплощением Порядка.

– Возмущение усиливается, – произнес он, и его голос, лишенный интонаций, заставил всех замолчать. – Я получил весть от Архитектора Порядка. В наш мир вторглась неучтенная сила. Хаотическая. Древняя. Она не принадлежит ни Свету, ни Тьме. Это раковая опухоль на теле реальности, угроза всему порядку, который мы строили веками.

Алёна сидела в одном из задних рядов, и ее сердце сжалось от ледяного предчувствия. Она понимала, о какой «опухоли» говорит Старейшина. Эта «опухоль» сейчас была у нее дома и, скорее всего, разогревала в микроволновке ужин, даже не подозревая о своей природе.

– Что мы должны делать, Старейшина? – спросил Иероним, молодой и фанатичный воин, чья аура трепетала от нетерпения.

– Искать источник, – ответил Валентин. – Эта сила должна проявить себя. Наша задача – найти ее носителя. И либо «очистить» его, поставив на службу Порядку, либо… нейтрализовать. Как любую угрозу. Будьте бдительны. Следите

за аномалиями. Эта сущность, кем бы она ни была, оставляет за собой след дикой, неконтролируемой энергии.

После собрания Алёна возвращалась домой с тяжелым сердцем. Клятва верности Ордену, вытатуированная светящимися рунами на ее душе, требовала немедленно сообщить о своих подозрениях. Но клятва любви, данная Андрею, кричала ей молчать. Она была раздавлена между двумя жерновами – долгом и чувством.

Когда она вошла в квартиру, Андрей сидел на кухне и что-то сосредоточенно читал в ноутбуке, просматривая сложные трехмерные чертежи. Он поднял на нее глаза, и она снова увидела эту перемену. Его серая, спокойная аура стала ярче, в ней проступали золотые и серебряные искры, как молнии в грозовом облаке. Он выглядел сильнее, увереннее, но в его взгляде была растерянность, которую он тщетно пытался скрыть. Он был похож на ребенка, которому в руки дали непонятный, но невероятно мощный инструмент.

– Всё в порядке? – спросил он, заметив ее тревогу.

«Нет! – хотелось закричать ей. – Ничего не в порядке! За тобой будут охотиться, тебя хотят или подчинить, или уничтожить!» Но вместо этого она солгала:

– Да, просто устала.

Она подошла к нему сзади, чтобы обнять, как делала тысячи раз. Это был их ритуал, их способ без слов сказать друг другу, что все хорошо. Но в тот момент, когда ее пальцы коснулись его плеча, она почувствовала эту новую энергию как

ощутимый электрический разряд. Это была не теплая, живая энергия человека. Это была дикая, первобытная, не знающая законов сила, как удар молнии.

Она отдернула руку, словно обжегшись, и отшатнулась.

Андрей медленно обернулся. Боль и непонимание в его глазах ударили ее сильнее любого упрека.

– Алён, что происходит? Ты меня боишься?

– Нет, – прошептала она, но знала, что это тоже ложь. Это был не страх перед ним, Андреем, ее мужем. Это был первобытный, инстинктивный ужас перед неведомой силой, о которой ее предупреждал Старейшина. Она боялась не его, а того, чем он становился. И она понятия не имела, что делать, когда ее Орден, ее семья, придет за ним.

Глава 4: Белый Свет

(Повествование от лица Алёны)

В шестнадцать лет Алёна была уверена, что сходит с ума. Мир, который для других был простым и понятным, для нее превратился в непрекращающийся, лихорадочный кошмар. Она не просто видела людей. Она видела их насквозь, и это было невыносимо.

Ее дар, как позже назовет его Старейшина, проснулся внезапно, на школьном осеннем балу. В один миг гулкая музыка, смех и яркие огни дискотеки для нее исказились. Она увидела не просто танцующих одноклассников, а бурлящий котел эмоций. Кислотно-желтые шипы зависти, исходившие от девочки, которую не пригласили на танец. Липкая, серая паутина тоски вокруг парня, страдавшего от неразделенной любви. И над всем этим – багровые, хищные вспышки похоти и пьяной агрессии. Воздух стал густым, тяжелым, его было почти невозможно вдохнуть.

Но страшнее всего были они. Сущности, которых не видел никто, кроме нее. Полупрозрачные, дрожащие, как марево, они цеплялись к ее одноклассникам. Мерзкие, похожие на слизней твари ползали по ауре «королевы бала», питаясь ее гордыней. Темные, похожие на насекомых тени вились вокруг компании ребят, куривших за углом, подпиты-

ваясь их мелким бунтарством.

Алёна закричала. Она кричала от ужаса, от сенсорной перегрузки, от вида монстров, пирующих на душах ее друзей. Для всех остальных это выглядело как внезапный приступ истерики.

После того случая ее жизнь превратилась в ад. Она стала затворницей. Школьная столовая была для нее полем битвы невидимых тварей, переполненный автобус – пыточной камерой. Она не могла находиться в толпе, не рискуя потерять сознание от какофонии чужих эмоций. Родители, испуганные и растерянные, водили ее по врачам. Ей ставили диагнозы: острая социофобия, паническое расстройство, даже шизофрения. Горы таблеток лишь притупляли чувства, превращая мир в серую, безрадостную муть, но не убирали видений. Она чувствовала себя прокаженной, сломанной, проклятой.

Точка невозврата наступила, когда ее на месяц положили в психиатрическую клинику. Там, среди людей с настоящими ментальными болезнями, она почувствовала себя еще более одинокой. Их ауры были искажены, разорваны, но они не видели того, что видела она. Она молчала о своих видениях, боясь, что ее запрут здесь навсегда. Она научилась делать вид, что ей лучше, и ее выписали с диагнозом «ремиссия». Но выйдя за ворота, она знала, что это не так. Она была на самом дне.

Именно тогда он ее и нашел.

Она сидела на скамейке в парке, подальше от людей, и рисовала в своем альбоме – единственный способ хоть как-то упорядочить хаос, выплеснув его на бумагу. Ее рисунки были страшными: люди, опутанные тенями, светящиеся фигуры с холодными, безразличными глазами.

– У вас талант, – раздался рядом спокойный, ровный голос. – Вы видите структуру.

Перед ней стоял седой, строго одетый мужчина. От него исходила аура такой чистоты и порядка, что Алёне на мгновение стало легче дышать. Словно холодный, чистый горный воздух ворвался в душную, затхлую комнату ее кошмаров.

– Я не понимаю, о чем вы, – пробормотала она, инстинктивно закрывая альбом.

– Понимаете, – мягко, но настойчиво сказал он. – Вы видите их так же, как и я. Тени, что цепляются к душам. И свет, что им противостоит.

Алёна подняла на него глаза, полные слез и недоверия.

– Вы… вы тоже это видите?

– Да, – кивнул он. – И я здесь, чтобы сказать вам: вы не больны. Вы одарены.

Эти слова стали для нее спасательным кругом. Впервые за долгие годы кто-то не просто поверил ей, а понял ее. Мужчина представился Валентином. Он рассказал ей об Ордене «Видящих», о вечной войне Света и Тьмы. Он говорил о «даре», который нужно научиться контролировать, о «священном долге» тех, кто может видеть.

Он привел ее в цитадель Ордена. Войдя в идеально круглый, белый, залитый ровным светом зал, Алёна почувствовала, как многолетний шум в ее голове наконец-то стих. Это была тишина. Абсолютная, идеальная тишина. Это был рай.

Валентин стал ее наставником. Он был терпелив и мудр. Сначала он научил ее создавать «фильтр» – энергетический барьер, который позволял ей отсекать большую часть чужих эмоций, оставляя лишь то, на чем она хотела сосредоточиться. Затем он дал ей простую и понятную картину мира. Все, что она видела, было разложено по полочкам: вот Свет – чистый, упорядоченный, благой. Вот Тьма – хаотичная, грязная, злая. Ее дар был не проклятием, а оружием в этой великой войне. Она была не изгоем. Она была избранной.

За годы в Ордене Алёна из напуганной девочки превратилась в уверенного и сильного воина Света. Орден стал ее семьей, Валентин – отцом, а Белый Свет – ее религией и спасением. Он дал ей цель, порядок и избавил от безумия.

Воспоминание обожгло ее. Она посмотрела на Андрея. На его мечущуюся, дикую ауру. Он был болен. Той же болезнью, что и она когда-то. Но если ее спас Белый Свет, значит, он сможет спасти и его. Любовь к нему смешивалась со страхом за него и паническим ужасом перед той силой, что в нем пробуждалась. Она не могла больше ждать.

Глава 5: Голос изначального огня

Алёна не знала, что делать… как сохранить свой уютный мир, наполненный спокойствия и нежных чувств, зная, что теперь Андрей, ее муж, ее любовь, человек, которому она доверила свое израненное сердце, стал частью того мира, который был чужд для неё – мира тьмы и хаоса.

Этого она принять не могла. Это было бы равносильно предательству своего спасения, своего второго рождения. Это был бы шаг назад, в тот кошмарный, хаотичный мир паники и видений, из которого ее однажды вытащили. Она посмотрела на него в последний раз, и в его глазах, полных боли и непонимания, она увидела лишь подтверждение своих худших страхов – хаос, который пожрал ее любимого. Сдавленный всхлип сорвался с ее губ. Она развернулась и выбежала из квартиры, спасаясь не от него, а от той тьмы, которую, как она теперь была уверена, он впустил в их дом.

Хлопок входной двери прозвучал в оглушительной тишине кухни, как выстрел.

Андрей остался один. Он не двинулся с места, глядя на пустоту дверного проема. Он не понимал. Как их любовь, их понимание, которое казалось таким нерушимым, могло разбиться о простые слова? Он не сделал ничего плохого, не причинил ей вреда, но она смотрела на него так, словно он был монстром.

Может, он и был им?

Эта мысль была холодной и острой. Внутри него была сила, которую он не понимал. Сила, которая пугала ее до глубины души. Сила, которая только что выгнала из дома единственного человека, которого он любил.

Он чувствовал себя чудовищем. Не потому, что в нем была тьма, а потому, что его новая сущность, его проснувшаяся кровь, разрушила все, что ему было дорого. Он не знал, чего боится больше: тех тварей, что он видел на улицах, или этой непонятной, неконтролируемой силы в нем самом, которая отняла у него любовь.

Часы на стене беззвучно отсчитывали минуты, которые складывались в часы. Он так и сидел на кухне в полной темноте. Город за окном жил своей жизнью, сиял огнями, шумел машинами, но для Андрея весь мир сузился до этой темной комнаты и звенящей в ушах тишины. Мысли путались, снова и снова прокручивая сцену прикосновения, ее испуганные глаза, ее последние слова. Постепенно они начали терять четкость, превращаясь в вязкий, серый туман усталости и горя.

Веки налились свинцом. Борьба была окончена. Эмоциональное и физическое истощение взяло свое. Его голова медленно опустилась на сложенные на столе руки, и он провалился в сон. Это был не отдых. Это было падение в бездну.

Под утро изнеможение все-таки взяло свое. Он уснул прямо за столом, уронив голову на руки.

И провалился не в темноту, а в ослепительный, всепоглощающий свет.

Он стоял не в своей кухне, а посреди исполинской, залитой неземным сиянием кузницы. Потолка не было – лишь живой, переливающийся космос, где вместо облаков медленно плыли спиральные рукава галактик. Стен тоже не было. Их заменяли уходящие в бесконечность стеллажи, на которых лежали не инструменты, а сами идеи, замыслы и творения: светящиеся чертежи законов физики, пульсирующие эскизы гравитации, россыпи еще не зажженных звезд, похожие на алмазную пыль. Воздух не обжигал, а вибрировал от чистой, концентрированной энергии созидания, и эта вибрация была похожа на тихую, величественную музыку – музыку сфер.

В центре, у наковальни размером с гору, выкованной из ядра погасшей звезды, стоял могучий старик. Его борода была не белой, а состояла из мириад крошечных, далеких галактик, мерцающих в темноте. Его глаза были двумя окнами в самое сердце мироздания, и в их глубине горел огонь творения. Он бил по светящемуся сгустку материи молотом, который, казалось, был выкован из чистого света, и с каждым ударом по вселенной разбегались волны новой жизни.

Андрей узнал его. Не помнил, откуда, но знал всем своим существом. Сварог. Бог-кузнец, его далекий, немыслимый предок.

Древний бог прекратил работу и повернулся к нему. Его

взгляд не давил, а изучал, проникая в самую суть.

– Наконец-то ты пришел, правнук, – его голос был гулом самой вселенной, но Андрей почему-то не испугался. – Рано ты проснулся. Тревожное время тебя разбудило.

– Кто я? Что со мной происходит? – вырвалось у Андрея. – Я болен? Моя жена боится меня. Я вижу монстров. Что все это значит?

Сварог усмехнулся, и от этой усмешки по наковальне пробежали золотые искорки.

– Ты не болен. Ты прозрел. Твоя кровь не дает тебе жить во лжи. Она заставляет тебя видеть мир таким, какой он есть на самом деле, видеть швы, скрепляющие реальность.

Он махнул своей огромной рукой, и пространство рядом с ними исказилось. Андрей увидел два гигантских вихря, вращавшихся в отдалении. Один был ослепительно-белым, идеально симметричным, похожим на гигантскую снежинку. Другой – хаотичным, темно-багровым, похожим на незаживающую рану. Сварог подвел его ближе, и Андрей почувствовал их суть. От белого вихря веяло холодом безупречного, но абсолютно безжизненного порядка. Находиться рядом с ним означало потерять волю, желание, стать идеальной, но бездушной шестеренкой в вечном механизме. От темного вихря несло жаром всепожирающего хаоса. Быть рядом с ним – означало сгореть в пламени бесконечных страстей, желаний и амбиций.

– То, что ты принимаешь за свет и тьму, за ангелов и де-

монов, – лишь пришельцы, – пояснил Сварог. – Завоеватели из умирающих миров. Они как саранча, что ищет новое поле. Они не творят, правнук. Они лишь потребляют. Одни потребляют вашу волю, упаковывая ее в красивые законы и догмы, обещая спасение в обмен на свободу. Другие – ваши страсти, раздувая их до всепожирающего пламени, обещая силу в обмен на вашу суть. Это два разных голода, но цель у них одна – поглотить ваш мир.

– Но что же мне делать? Я не воин. Я всего лишь учитель…

– Это хорошо, что ты не воин! – Голос Сварога стал строже. – Первая ошибка – взять в руки меч. Меч делит мир на «нас» и «них». А твоя задача – сделать мир снова единым. Ты – Потомок созидателей. Ты – садовник, которому предстоит выполоть сорняки, чтобы дать саду расти самому.

– Но сорняки нужно уничтожать!

– Сорняк не зол, он просто растет не на своем месте и душит другие цветы, – покачал головой Сварог. – Твоя задача – не судить. Твоя задача – дать саду расти. Не сражайся с ними. Лиши их пищи. Лиши их власти над душами людей, и они иссохнут сами. Твоя сила – не в разрушении. Она в равновесии.

Сварог снова повернулся к наковальне.

– Не бойся того, что видишь. И не верь тем, кто делит мир лишь на черное и белое. Истина всегда посредине. А теперь иди. Утро близко.

С последним ударом его молота кузница содрогнулась и начала таять. Гул вселенной сменился тихим тиканьем кухонных часов.

Андрей проснулся, сидя за столом. Холодный предрассветный свет пробивался сквозь жалюзи. Он чувствовал себя разбитым, но паники больше не было. На ее место пришло странное, кристаллическое спокойствие. Он больше не был жертвой своих видений. Он стал наблюдателем.

Он встал, подошел к окну и посмотрел на просыпающийся город. Теперь он видел не просто дома и улицы, а сложную паутину из миллионов аур, переплетение света, тьмы и чего-то еще – чего-то третьего, настоящего, что отчаянно пыталось выжить под гнетом двух паразитов. Он видел не хаос. Он видел больной, заросший сорняками сад.

Он посмотрел на свои руки. Руки учителя, творца, привыкшие создавать из дерева и пластика. Теперь он понимал их истинное предназначение. Не просто создавать вещи. А чинить. Чинить этот сломанный, расколотый мир. Он принял свою суть. Он был не воином. Он был мастером. И ему предстояла очень большая работа.

Глава 6: Переулок Серой Тени

Пробуждение после сна о космической кузнице было похоже на возвращение из долгого путешествия. Мир остался прежним, но Андрей смотрел на него другими глазами. Пропасть, разделявшая его с Алёной, никуда не делась, но теперь к его горю примешивалось странное, отстраненное спокойствие. Он был похож на врача, который, узнав о собственной неизлечимой болезни, вдруг начинает с холодным профессиональным интересом изучать ее симптомы.

Он перестал быть жертвой своих видений. Он стал исследователем.

В школе он теперь наблюдал за кипящей жизнью подростков не как участник, а как лаборант, разглядывающий сложную экосистему под микроскопом. Он видел, как мелкие, тщеславные демоны лести раздуваются до невероятных размеров, когда учитель хвалит любимчика. Видел, как крошечные, но ядовитые ангелы зависти пускают свои кристаллические иглы в ауру девочки, разглядывающей новый телефон подруги. Это была вечная, мелкая, почти незаметная война, питающая пришельцев и истощающая людей.

«Лиши их пищи», – звучал в его голове голос Предков. Но как? Как лишить пищи тысячи мелких паразитов, когда сама человеческая природа, с ее страстями и слабостями, является для них бескормицей? Он чувствовал себя садовни-

ком, которому вручили один секатор и показали гектары заросшего бурьяном поля.

Эта мысль не давала ему покоя. Он понимал, что его тихих, точечных «исцелений» недостаточно. Это была борьба с симптомами. Но где-то в городе должна была быть сама болезнь, ее очаг. И он начал его чувствовать. Сначала как тихий, диссонирующий гул на краю восприятия. Затем – как постоянную, ноющую боль, словно в теле города зрел огромный нарыв. Этот сигнал вел его на окраину, в старый, давно заброшенный сквер, зажатый между обшарпанными панельными домами. Место, которое горожане инстинктивно обходили стороной.

В пятницу вечером, после работы, он решил, что больше не может это игнорировать. Он не поехал домой. Он пошел туда.

Чем ближе он подходил, тем сильнее менялся мир вокруг. Агрессивное сияние рекламных щитов казалось здесь тусклым и больным. Аура редких прохожих была серой, испуганной, люди шли, втянув голову в плечи. Воздух становился тяжелым и маслянистым, он пах не просто сыростью, а застарелым отчаянием. Сам сквер был похож на мертвое тело. Разбитые скамейки – сломанные ребра. Погасшие фонари – слепые глаза. Ветер, гулявший между голых ветвей, шептал не о свободе, а о безысходности. Это было место, где иммунная система мира дала сбой, и инфекция процветала.

В самом центре, у грязного, высохшего фонтана, он уви-

дел его. Источник болезни.

На старой скамейке, скорчившись в немыслимых лохмотьях, лежал старик-бездомный. Его аура была почти невидимой, тонкой, как паутина, и серой, как пепел. Она едва трепетала, готовая погаснуть в любой момент. А над ним, склонившись, стояла тварь. Она была гораздо плотнее и реальнее тех, что он видел раньше. Ростом с подростка, с неестественно длинными, тонкими конечностями, она была покрыта лоснящейся, темной кожей. Ее суставы выгибались под невозможными углами. Она не просто питалась эмоциями. Из ее когтистых пальцев тянулись полупрозрачные, пульсирующие жгуты, которые были буквально воткнуты в ауру старика. Андрей на ментальном уровне слышал тихое, отвратительное, чавкающее хлюпанье. Тварь пожирала саму жизнь.

«Беги, – закричал в нем остаток старого Андрея, человека, который верил в законы физики. – Беги, звони в полицию, скорую, это не твое дело!»

Но голос Сварога из сна был громче: «Ты садовник. А это не просто сорняк. Это борщевик, который отравляет всю поляну. Его нужно выкорчевать с корнем».

Он сделал шаг вперед, хрустнув стеклом под ногой.

Тварь медленно подняла голову. Ее тлеющие, как угли, глаза сфокусировались на Андрее. В них не было простого голода. В них была искра хищного, злобного интеллекта. Она увидела его – не просто крупную добычу, а угрозу. И приз.

Она оторвала свои жгуты от жертвы и, оскалившись, беззвучно, неестественно быстро, бросилась на него.

«Не сражайся с ними. Лиши их…» – начал было всплывать в голове совет Предка, но Андрей понял, что здесь он не применим. Эту тварь нельзя было лишить пищи. Она сама была голодом. Против нее нужен был не секатор. Нужен был огонь.

Время замедлилось. Он видел каждый изгиб когтистой лапы, нацеленной ему в грудь. Он свел руки вместе на уровне груди, как подсказала ему интуиция, но не для защиты. Он начал не создавать, а отнимать. Он сосредоточился на пространстве между своими ладонями, представляя его не как пустоту, а как отсутствие всего. Он мысленно находил швы, скрепляющие реальность, и тянул за нити, распуская ткань бытия в одной-единственной, идеальной точке.

Воздух вокруг его рук стал холодным, высасывая из него тепло. Звук его собственного сердца в ушах замер. Свет от далеких окон начал искажаться, огибая невидимую аномалию, которую он держал в руках.

Когтистая лапа твари, врезавшись в эту точку, не встретила сопротивления. Ее просто начало засасывать внутрь. Демон издал беззвучный вопль. Это был не крик боли. Это был вопль онтологического ужаса – крик существа, столкнувшегося с небытием. Он пытался вырваться, но было поздно. Точка абсолютной пустоты, подпитываемая его собственной хаотичной энергией, начала расширяться, выворачивая его

сущность наизнанку, как перчатку. Его уродливая форма исказилась, конечности вытянулись в тонкие нити, цвета смешались в грязное пятно, и все это втянулось в разрастающийся разрыв в пространстве.

Спустя мгновение все было кончено. Точка схлопнулась с тихим щелчком, который, казалось, услышала вся вселенная. Остался лишь запах серы, а на асфальте медленно остывал небольшой, оплавленный след.

Андрей рухнул на колени, тяжело дыша. Мир со всем своим шумом и суетой обрушился на него обратно. Его тошнило, тело била крупная дрожь. Использование этой силы опустошало. Он посмотрел на свои руки. Обычные руки учителя. Но теперь он знал, что они способны стирать вещи из реальности. Он поднялся и, шатаясь, подошел к скамейке. Бездомный спал, его дыхание стало ровнее, а серая аура, хоть и оставалась слабой, перестала таять. Он выжил.

Андрей достал телефон, анонимно вызвал скорую, а затем ушел, растворяясь в тенях, которые больше не пугали его. Теперь он сам был одной из них. Самой страшной. Он не чувствовал себя ни героем, ни садовником. Он чувствовал себя палачом. И эта ноша была тяжелее любого молота в его мастерской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.